

УДК 81

НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО И БАННИКА В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

(по данным русских мифологических текстов Пермского края)

Мария Андреевна Гранова

ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614000, г. Пермь, ул. Букирева, 15. marjanaandreeva@mail.ru

В работе номинации духов-«хозяев» «освоенного» человеком пространства – банника и домового, встречающиеся в русских мифологических текстах Пермского края, впервые исследуются с применением ареального метода. Картографируются единицы, составляющие наиболее обширные словообразовательные гнезда и, следовательно, отражающие наиболее значимые для носителей мифологической традиции представления о названных персонажах. Сопоставляются верования, нашедшие отражение в названиях банника и домового; эти мифологические представления также рассматриваются на общеславянском фоне. Так, наиболее обширные гнезда образуют номинации банника с корнями *-бан-*, *-дух-*, *-бес-*, *-черт-* и основой *нечист-* и номинации домового с корнями *-бат-*, *-брат-*, *-дед-*, *-дом-*, *-сосед-/сосед-* и *-хозяй-*; при этом распространение по всей территории края получили названия банника с корнем *-бан-* и названия домового с корнями *-сосед-/сосед-* и *-дом-*. Таким образом, в номинациях обоих духов отражается прежде всего народное представление о месте их обитания. Различия состоят в том, что номинации банника указывают на его нематериальную сущность (слова с корнем *-дух-*) и демоническую природу (единицы с корнями *-бес-*, *-черт-* и основой *нечист-*), т. е. персонаж воспринимается носителями традиции как опасный демон. Домовой же, наоборот, выступает по отношению к человеку как сосед (слова с корнями *-сосед-/сосед-*), родственник (слова с корнями *-бат-*, *-брат-* и *-дед-*); также подчеркивается его главенство в локусе дома (номинации с корнем *-хозяй-*). Все эти верования типичны для общеславянской мифологической традиции.

Ключевые слова: ареальные исследования; банник; домовый; мифологический текст; Пермский край.

Изучение народных мифологических представлений по-прежнему остается одним из основных направлений работы ученых – историков, этнографов, культурологов, фольклористов, этнолингвистов, занимающихся реконструкцией и исследованием традиционной духовной культуры славян. При этом рассматривается как славянская мифологическая традиция в целом, так и верования жителей отдельных территорий (стран, регионов, районов или населенных пунктов) в рамках славянского ареала. Не остаются без внимания и мифологические представления русских, проживающих в Пермском крае. Они исследуются посредством анализа предметного [Подюков 2019, 2020] и акционального кодов традиционной культуры [Брюханова, Королёва 2020; Королёва 2014], а также мифологических текстов [Королёва, Беломестнова 2018; Королёва, Туманова 2013; Русинова 2020б] и лексики русских говоров региона [Боброва, Русинова 2020; Русинова 2020а; Русинова, Шкураток 2017].

В настоящей работе объектом исследования выступает лексика – номинации духов-«хозяев», имеющиеся в русских мифологических текстах Пермского края. Эти единицы будут рассмотрены в ареальном аспекте. Следует отметить, что ареальный метод сегодня активно применяется при изучении славянской мифологической лексики, в первую очередь – в работах представителей Московской школы этнолингвистики. Так, Л.Н. Виноградова применила этот метод при рассмотрении мифологических представлений о русалке в восточнославянской, польской, сербской и болгарской традициях [Виноградова 2000], а Е.Е. Левкиевская – при изучении восточнославянских верований, связанных с домовым (см. [Левкиевская 2007]). При этом указанные исследователи картографировали не только названия персонажей, но и весь комплекс их признаков и функций в соответствии со схемой описания мифологического персонажа, разработанной Л.Н. Виноградовой и С.М. Толстой [Виноградова

Гранова М.А.
НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО И БАННИКА В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(по данным русских мифологических текстов Пермского края)

и др. 1989]. Ареальный метод используется и при изучении других областей народной культуры, например, свадебного обряда [Гура 2011], народной зоологии [Гура 1997; Журавлев 1994], народного календаря [Агапкина 2002; Толстая 2005]. В работе А.А. Плотниковой [Плотникова 2004], выполненной на материале южнославянской традиции, рассмотрено распространение народной терминологии, связанной с родинным, свадебным и похоронным обрядами, названий народных праздников, а также номинаций мифологических персонажей (в том числе домового) и поверий, связанных с этими персонажами. Учеными Московской этнолингвистической школы создавался также «Полесский этнолингвистический атлас» (см.: [Толстая 2007]), который предполагал картографирование не только лексики, но и элементов предметного и акционального кодов культуры. В настоящее время этот атлас не издан, однако большое количество карт опубликовано в сборниках серии «Славянский и балканский фольклор» (см.: [СБФ 1986; СБФ 1995]). Среди этих карт имеются и такие, которые посвящены мифологическим персонажам, в том числе духам-«хозяевам» – домовому и водяному.

Из приведенного обзора видно, что ареальный метод сегодня широко применяется для изучения мифологических традиций различных славянских территорий, в том числе и при рассмотрении представлений о духах-«хозяевах» локусов, которые находят отражение в номинациях персонажей. Однако подобных исследований мифологической традиции русских Пермского края не проводилось. Настоящая работа призвана восполнить эту лакуну.

Материалом для нашего исследования послужили русские мифологические тексты, собранные в различных районах Пермского края, взятые из следующих источников: фольклорного архива лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (руководитель – доц. С.Ю. Королёва) при кафедре русской литературы и диалектологического архива лаборатории региональной лексикологии и лексикографии (руководитель – доц. И.И. Русинова) при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (Материалы), фольклорно-этнографических сборников, посвященных локальным традициям края, и диалектных словарей, описывающих лексику русских говоров региона (см. сп. источников).

В качестве объекта картографирования из указанных текстов были выбраны нарицательные номинации духов «освоенного» человеком пространства – домового и банника, которые состав-

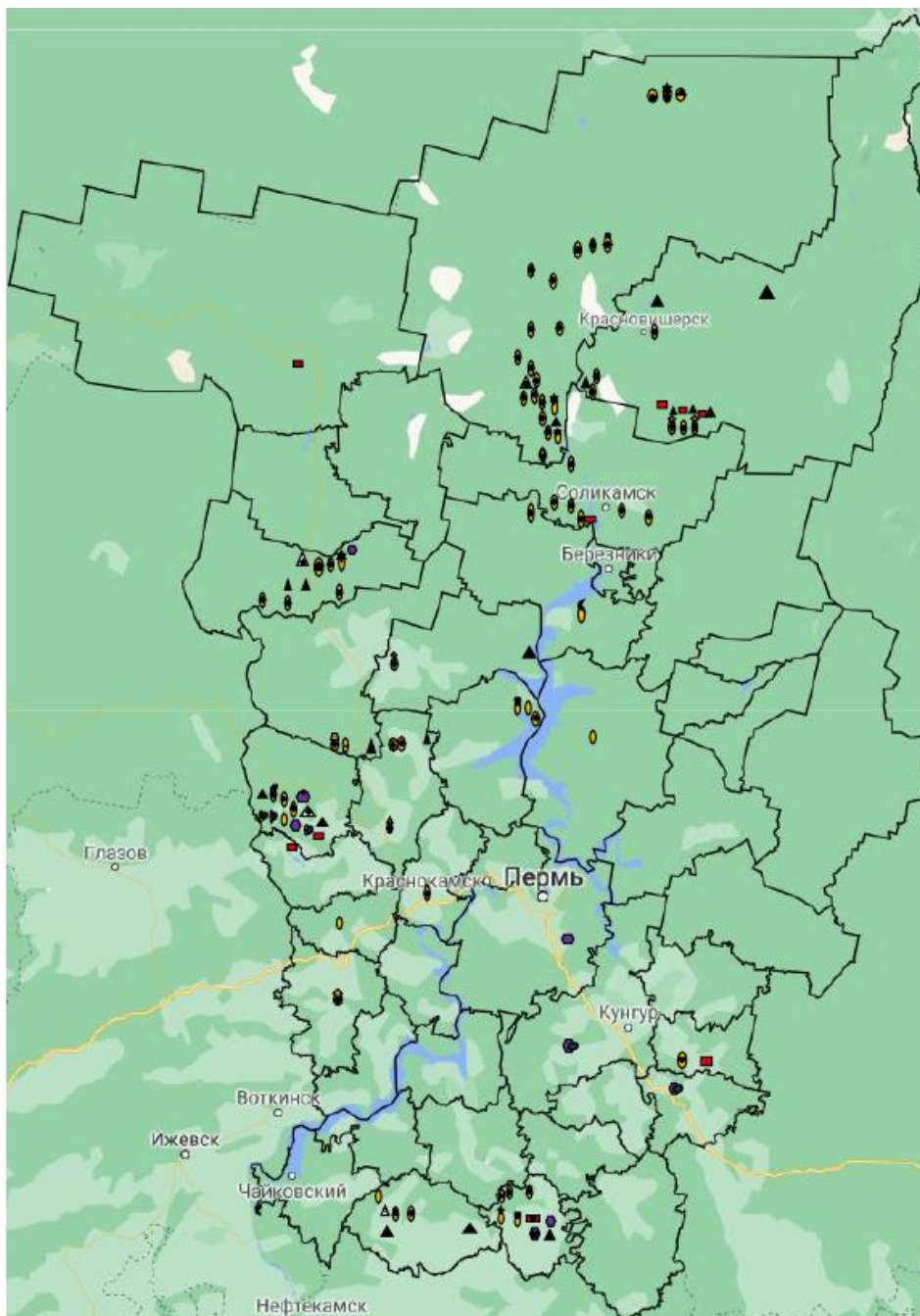
ляют словообразовательные гнезда, содержащие не менее трех единиц, включая неоднословные номинации, если один из компонентов имеет интересующий нас корень. Представляется, что такой подход позволит выявить наиболее распространенные и, следовательно, наиболее значимые для носителей пермской мифологической традиции верования об указанных персонажах. Задача же данной работы заключается не только в выявлении таких представлений, но и в установлении ареалов бытования отражающих их номинаций банника и домового на территории Пермского края, а также в сопоставлении верований, связанных с этими персонажами, и рассмотрении их на фоне общеславянской мифологической традиции.

Отметим, что при составлении представленных ниже карт мы опирались на правила картографирования (касающиеся используемой системы картографических знаков), изложенные в проекте «Лексического атласа русских народных говоров» [ЛАРНГ 1994]. Эта система помет была взята нами за основу, поскольку она позволяет отражать не только лексические (синонимические), но и структурные и словообразовательные особенности картографируемых единиц, что отвечает традициям лингвогеографических исследований. Однако необходимо подчеркнуть, что мы не претендуем на составление полноценного атласа русской мифологической лексики Пермского края и представленные ниже карты не являются материалами такого атласа.

Кроме того, нужно сказать, что мы не можем претендовать и на исчерпывающую полноту представленных лингвогеографических данных, поскольку материал по различным локальным традициям края собран неравномерно: лучше всего обследованы мифологические традиции севера края – Чердынского, Красновишерского, Юрлинского, Соликамского районов; западной части региона – Сивинского, Карагайского, Очёрского, Врещагинского районов; некоторых южных (Куединского) и юго-восточных районов (Кунгурского, Кишертского, Сусунского).

Итак, ниже представлена карта, иллюстрирующая распространение по территории края номинаций духа-«хозяина» бани с корнями *-бан-*, *-дух-*, *-бес-*, *-черт-* и основой *нечист-* (см. Рис. 1). Согласно проведенному анализу мифологических текстов Пермского края, названия именно с этими корнями образуют достаточно развитые гнезда (включающие три и более единицы), следовательно, именно они отражают некоторое важные представления, характерные для мифологической традиции региона (в отношении ее фрагмента, связанного с банником).

Гранова М.А.
НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО И БАННИКА В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ
 (по данным русских мифологических текстов Пермского края)



Единицы с корнем <i>-бан-</i>		Единицы с корнем <i>-бес-</i>			
	Банная		Баннный душок		Бес
	Банная бабушка		Баннный душочек		Бесёнок
	Банная девка		Баннный лешак		Бесь
	Банная парушка		Баннный сосед	Единицы с основой <i>нечист-</i>	
	Банная староста		Баннный староста		Нечистая сила
	Банник		Баннный хозяин		Нечистик
	Банница		Банщик		Нечистый
	Банничек		Банщица		Нечистый дух
	Банное дедушко		Батюшка банный царь	Единицы с корнем <i>-черт-</i>	
	Баннушка		Заведующий баней		Чертовка
	Баннный		Перебанник		Чёрт
	Баннный дух		Хозяин бани		Чёртик
Единицы с корнем <i>-дух-</i>					
	Баннный дух		Баннный душочек		
	Баннный душок		Нечистый дух		

Рисунок 1. Распространение номинаций банника в Пермской крае

Гранова М.А.
НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО И БАННИКА В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(по данным русских мифологических текстов Пермского края)

Что касается системы помет, то, согласно правилам ЛАРНГ, внешняя форма знака показывает картографируемый корень (или основу); верхний диакритик – слово в составе сочетания, не имеющее корней *-бан-, -дух-, -бес-, -черт-* или основы *нечист-*; залитая черным фигура или линия внутри основного знака или диакритика – аффикс (суффикс или префикс). При картографировании сочетаний, в которых оба элемента включают интересующие нас корни, было сделано отступление от системы помет, принятой в ЛАРНГ. Так, согласно картографической концепции атласа, в таких случаях картограф должен выбрать основной корень, который будет представлен через внешний контур знака, а второй корень будет представлять собой незалитую фигуру внутри внешнего контура [ЛАРНГ 1994: 69–71]. Мы используем в таких случаях совмещенные знаки, состоящие из двух знаков, каждый из которых показывает один из корней (см., например, подачу на карте единиц с корнем *-дух-*): если в сочетании нас интересуют корни обоих слов, то не представляется возможным выбрать наиболее важный из них, они оба оказываются значимыми для нашего исследования.

Итак, перейдем к рассмотрению полученной карты. Уже при анализе легенды становится ясно, что наибольшее количество образований дает в русских говорах Пермского края корень *-бан-* (всего 24 названия). Остальные группы не так обширны: отмечено по 4 номинации с корнем *-дух-* и основой *нечист-* и по 3 названия с корнями *-бес-* и *-черт-*.

Что касается ареалов распространения указанных номинаций, то, как показывают картографические данные, единицы с корнем *-бан-*, отражающие народные представления о месте обитания духа (баня) [Будовская 1995: 137], встречаются практически на всей территории края:

Поздно-то нельзя в баню ходить. Говорят, банники там. Пока роженица в церковь не сходит – в баню ходить нельзя. Один раз пошла рожинка в баню да долго не выходила. Когда пришли, то увидели, что она уже мёртвая. Рожинка-то в церковь не сходила, вот и задавил её банник (Лимеж Черд.) (ББ: 136);

[В новую баню банного царя перевозили. За сутки до этого под лавку, напротив камина, ставили наберушку. Через сутки приходили в баню, брали посудину со словами:] *Батюшка банный царь, пойдём в новую баню, простися с этими стенами, всё, мы её будем разламывать, не будет этой бани, всё, пойдём со мной в новую баню* (Поселье Усол.) (УД: 196);

[А вот после двенадцати в баню ходили раньше?] *Нет. Ну, считалось плохой приметой, что там чер-*

ти могут быть, к чертям. [Черти в бане – это как?] *Говорили, что образ человека, но он с рогами, чёрт, и с копытами. Вот.* [А не говорили, что это банник? Не называли слово «банник»?] *Ну, может называли, но у нас вот, мы знали как чёрта, что там, в бане, может быть чёрт.* [Но это дух бани тоже? Или это просто какая-то нечисть?] *Ну нет, это хозяин бани, наверно* (С. Коммунар Сив.) (Материалы); *В бане баннушка, ей воду оставляй, когда помоешься* (Меча Киш.) (СРГЮП 1: 40);

Говорят, в бане всё банный сосед ходит. Я три раза плесну в каменку, всегда говорю: «Сосед, иди в баню мойся, родители, идите в баню мойтесь» (Ананьино Черн.) (СРГЮП 3: 156).

При этом достаточно четко выделяются два ареала бытования таких номинаций. Первый довольно обширный, включает северные (Чердынский, Красновишерский, Соликамский, Березниковский, Юрлинский, Кудымкарский, Юсьвинский) и центральные (Сивинский, Карагайский, Ильинский, Добрянский, Нытвенский, Очёрский, Большесосновский) районы края. Второй ареал – на юге региона (Куединский и Чернушинский районы). Одна номинация, принадлежащая к рассматриваемой группе (*баннушка*), отмечена на юго-западе края – в Кишертском районе.

Номинации с корнями *-бес-, -черт-* и основой *нечист-*, производные от названий различных представителей нечистой силы, указывают на демоническую природу персонажа [Будовская 1995: 137]. Единицы каждой группы имеют по несколько относительно небольших замкнутых ареалов распространения на территории региона. Так, употребление единиц с основой *нечист-* возрастает при движении с севера на юг края: одна номинация отмечена в Юрлинском, две – в Сивинском районе; отдельный ареал образуют Пермский, Кунгурский и Суксунский районы; две номинации отмечены также в Чернушинском районе. Приведем контексты:

[А после двенадцати в баню можно ходить?] *После двенадцати... нельзя. Ну ходили.* [А почему нельзя?] *Там же нечистая сила после двенадцати часов.* [А что за нечистая сила?] *Уташишит куда-нибудь* (С. Коммунар Сив.) (Материалы); *В баню без креста нельзя ходить, там, говорят, нечистик, по-нашему, как бесёнок* (Ананьино Черн.) (СРГЮП 2: 186);

У одной было. В баню ушла, мыла ребёнка-то. Он реветь начал, она его изругала. Так ребёнок-то и не стал. Полено одно. Нечистый подменил (Меркушево Перм.) [Материалы]; *В бане может показаться кто-нибудь из родителей. Я всегда хожу с иконой. И говорят, надо идти назад пятки. Не то нечистый дух задавит* (Калинино Кунг.) (СРГЮП 2: 141).

Названия с корнем *-бес-*, наоборот, больше распространены на севере края (Гайнский, Крас-

Гранова М.А.
НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО И БАННИКА В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(по данным русских мифологических текстов Пермского края)

новишерский, Соликамский районы), меньше – на западе (Сивинский и Верещагинский районы), еще меньше – на юге (локальные традиции Кишертского и Чернушинского районов). Приведем примеры из текстов:

[А о банниках вы что-то слышали?] *Так-то не слышала, но вот был случай. В Лубянке рожонка ушла в баню. Ребёнка вымыла, муж ребёнка и унёс. Около бани брат дрова пилил. Вдруг в бане забрякало. Брат мужа крикнул. Муж в баню заходит. Видит, а жена в каменку до пояса затолкана. Это бес её так. Сырой женщине в бане одной оставаться нельзя* (Тетерина Сол.) (Материалы);

В баню без креста нельзя ходить, там, говорят, нечистик, по-нашему, как бесёнок (Ананьино Черн.) (СРГЮП 2: 186);

[А в бане моются в кресте или без?] Без. [А почему?] *А там нечисто. Бывает, что пойдешь туда, а там в каменку человека запихают – беси всё.* [А что делать, чтоб бесы не трогали?] *А молитву, как входишь: «Господи Иисусе Христе! Помилуй нас, Господи...»* (Осинцево Киш.) (Материалы).

Наконец, единицы, включающие корень -*черт*- имеют три четких зоны распространения: северную (Чердынский и Красновишерский районы), северо-западную (Юрлинский, Кудымкарский, Юсьвинский, Сивинский, Крагайский районы) и южную (Куединский и Чернушинский районы). Сравните контексты:

В бане тоже чёртики есть, банниками зовутся. Пошла тут у нас бабка одна в баню в святки. Не выпустили из бани её, задавил её банник-то там (Пянтег Черд.) (Материалы);

В бане после двенадцати – глухая пора. Глухая пора – день переходит в ночь, плохо там. После двенадцати черти парятся. Когда поздно моешься, надо говорить: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь! Спасибо, матушка-банюшка, Соломея-парушка!» Крест с себя убирают – кладут в рот под язык (Бадья Юрл.) (УД: 291);

Мама моя случай рассказывала. Родился ребёнок и не растёт. <...> Восемнадцать лет пролежала в колыбели девочка да такой и осталась. Потом у той семьи, как двенадцать часов наступит, в малой избе свет зажигается. <...> Работника попова послали туда ночью посмотреть. <...> Открывается половица, девушка выходит красивая, начинает прибираться. Потом говорит: «Ну, выходи, молодой человек, или боишься? Выходи, бери меня замуж!» – <...> «А венчаться будем?» – «Хоть сейчас». Пришли к попу: «Венчай нас!» Обвенчал. Девушка в избе сидит и спрашивает: «Что в зыбке-то?» – «Ребёнок». – «А сколько лет ребёнку?» – «Да вот уже восемнадцать лет не растёт». Девушка взяла ребёнка на руки, перекинула через левое плечо, тот поленом обернулся. «Я ваша дочь, говорит, меня чертовка украла и восемнадцать лет воспитывала. И приданое припасла». Под пол пошли – там сундук стоит (Б. Кусты Куед.) (ББ: 140–141).

Как видно из анализа, ареал распространения единиц, указывающих на демоническую природу духа бани, с каждым отдельным корнем гораздо уже по сравнению с ареалом функционирования единиц, указывающих на локус персонажа, однако то, что «демонических» названий оказывается целых три группы, дает основание полагать, что представление о принадлежности персонажа к нечистой силе также является одним из ключевых в пермской традиции.

Наконец, последняя группа названий включает единицы с корнем -*дух*-:

[А не говорили, что в бане банник, банный дедушка живёт?] *Дак тоже банный дух, вот я и говорю, банный душок, банный душок* (С. Коммунар Сив.) (Материалы);

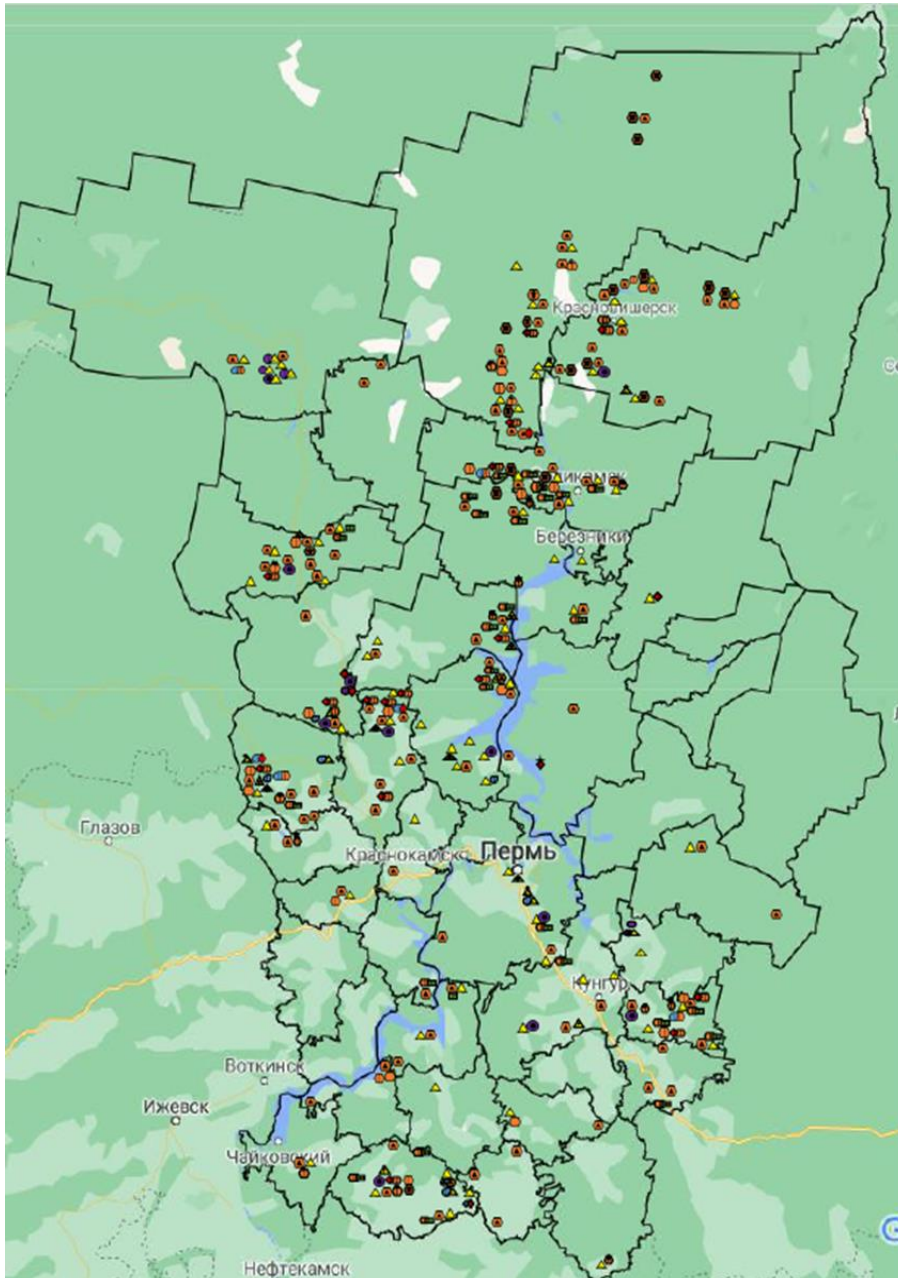
[А вы, когда в баню заходите, что-то говорите?] *А в баню захожу... Чё же кто-то мне говорил? [«Банная бабушка...»?] «Банный душочек, прими нас, помоги, помоги нам, чтобы помыться хорошо и здоровье получить»* (Северный Коммунар Сив.) (там же);

Братальник у меня, он учитель был раньше. Он говорит – я первый пойду в баню ворожить, чё тамока увижу, там зеркало ставил, чё там поблазнит. <...> Время боле двенадцати часов, всё Петя у нас в бане сидит. Он живой, или там, поди, нечистый дух от задавил его? (Советная Сукс.) (СРГЮП 1: 137).

Эти номинации указывают на нематериальную природу персонажа [Будовская 1995: 138]. В мифологических текстах Пермского края такие единицы немногочисленны (их всего 4), и они имеют лишь два достаточно узких ареала бытования на территории региона – западный (Сивинский район) и юго-восточный, включающий Кунгурский и Суксунский районы.

Итак, мы рассмотрели группы номинаций духа бани и их распространение по территории региона. Обратимся теперь к анализу названий домового, также представленным, на карте (см. Рис. 2). При составлении этой карты мы руководствовались теми же принципами, что и при создании карты номинаций банника. Однако стоит отметить некоторые различия в системе номинаций банника и домового. Дело в том, что, во-первых, в пермской традиции по отношению к домовому часто используются двухкомпонентные названия (например, *дедушка-соседушка*). Такие единицы (если обе их части содержат интересующие нас корни), как и двухсловные, показываются на карте посредством двойного знака, состоящего из знаков, показывающий каждый из корней. Аффиксы, содержащиеся в составе каждого компонента таких единиц, показываются залитой черным фигурой или линией, которая располагается внутри основного знака, соответствующего корню.

Гранова М.А.
НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО И БАННИКА В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ
 (по данным русских мифологических текстов Пермского края)



Единицы с корнем <i>-сосед-/-сусед-</i>	
	батюшка-суседушка, батюшко-соседушко, батюшко-суседушко, суседушка-батюшка, суседушко-батюшко, суседушка-батюшка, суседушко-батюшко
	голбечный суседко
	дедка-суседка
	дедушка-соседушка, дедушка-суседушка, дедушко-суседушко
	домашний суседка
	домовой-соседушко
	сосед, сусед
	сосед-суседушка
	соседка, соседко, суседка, суседко, сусидка
	суседка-топало
	суседко-батюшко
	соседушка, суседушко, суседушка, суседушко
	соседушка-братанушка, суседушко-братанушко, суседушка-братанушка, суседушко-братанушко
	суседушка-браток
	соседушка-братушка, суседушко-братушко, суседушка-братушка
	соседушка-буканушка, суседушко-буканушко
	соседушко-боданушко, суседушко-ботанушко
	соседушко-матушко, суседушка-матушка, суседушко-матушко
	суседиха, сусидиха
	суседок
	суседушка-сударушка
	суседушко-атаманушко
	суседушко-баседушко
	суседушко-боледушко
	суседушко-вакедушко
	суседушко-покладушко
	сусидчиха
Единицы с корнем <i>-хозяй-</i>	
	хозя
	хозяин
	хозяин дома
	хозяин домовый
	хозяюшка домовая
	хозяюшко домовый
	хозяюшко-батюшко

Единицы с корнем <i>-бат-</i>		Единицы с корнем <i>-брат-</i>		Единицы с корнем <i>-дед-</i>	
	батюшка, батюшко		братанушка, братанушко		дедка-суседка
	батюшка-суседушка, батюшко-соседушко, батюшко-суседушко, суседушка-батюшка, суседушко-батюшко, суседушка-батюшко, суседушко-батюшко		братуха		дедушка, дедушко
	батюшко милостивый		соседушка-братанушка, суседушко-братанушко, суседушка-братанушка, суседушко-братанушко		дедушка домовой, дедушка-домовой
	дедушка-батюшка		соседушка-браток		дедушка-батюшка
	суседко-батюшко		соседушка-братушка, суседушко-братушко, суседушка-братушка, суседушко-братушко		дедушка-соседушка, дедушка-суседушка, дедушко-суседушко
	хозяюшко-батюшко				дедушко-боданушко
Единицы с корнем <i>-дом-</i>					
	господин домовой		домовая бабушка, бабушка домовая		домовуха
	дедушка домовой, дедушка-домовой		домовёнок		домовушка
	домашний домовой		домовик		старушка-домовушка
	домашний суседка		домовиха		хозяин дома
	домношник		домовой		хозяин домовой
	домовая		домовой-соседушко		хозяюшка домовая
					хозяюшко домовый

Рисунок 2. Карта распространения номинаций домового в Пермской крае

Гранова М.А.
НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО И БАННИКА В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(по данным русских мифологических текстов Пермского края)

Если сочетание или двухкомпонентная номинация содержит только один искомый корень, то второе слово или компонент показывается в виде черной залитой фигуры-диакритика, расположенной над основным знаком. Во-вторых, особенностью системы номинаций домового является наличие пар двухсловных и пар двухкомпонентных названий, компоненты которых могут меняться местами (*домовая бабушка* и *бабушка домовая* или *батюшка-суседушка* и *суседушка-батюшка*). Поскольку на карте мы стремимся показать прежде всего распространение номинаций с тем или иным корнем, не зависящим от порядка частей (так, *батюшка-суседушка* и *суседушка-батюшка* – это разные единицы, но они обе содержат одни и те же корни – *-сусед-* и *-бат-*), было принято решение подавать подобные названия под одним картографическим символом. Это же касается фонетических вариантов единиц.

Итак, обратимся к анализу составленной карты. Как видим, спектр номинаций домового в традиции русских Пермского края оказывается гораздо шире, чем спектр названий банника. Всего нам удалось выделить 6 гнезд; наиболее обширную из этих групп составляют единицы с конями *-сосед-/сусед-*:

[Говорят, что в каждом доме есть кто-то, кто помогает или нет.] *Да, есть. Это домашний суседка* (Чёрмоз Ильин.) (Материалы);

Случай был, с дёминской Марией Антоновной. Они свой дом поставили, не выплотничали, железом покрыли. Только видела: два малюсеньких звереночка выбежали и в избу забежали новую... Ну это, видно, и есть суседко и суседиха (Талица Краснов.) (ББ: 90);

Мы в дом поехали, так я суседушку с собой пригласила. А в доме-то кошку вперед пустили серую, потом уже иконы, вещи заносишь (Рождественск Караг.) (КС: 70).

Анализ картографических данных показывает, что такие единицы распространены по всей территории края: на северных территориях (Гайнский, Чердынский, Красновишерский, Косинский, Соликамский, Усольский, Юрлинский, Кудымкарский, Юсьвинский районы), в центре региона (Сивинский, Карагайский, Ильинский, Добрянский, Верещагинский, Очёрский, Краснокамский, Пермский районы) и в южной части края (Частинский, Оханский, Осинский, Кунгурский, Кишертский, Суксунский, Октябрьский, Ординский, Уинский, Чернушинский, Куединский, Чайковский, Еловский районы). То, что эти номинации распространены по территории края шире, чем названия, образованные от корня *-дом-*, свидетельствует о чрезвычайной актуаль-

ности в рассматриваемой региональной традиции представления о статусе персонажа по отношению к человеку: дух-«хозяин» живет с ним в одном доме, является его соседом (см. [Левкиевская 1999а: 120–121]). Кроме того, все производные от корня *-сосед-/сусед-* возникли как эфемистические номинации духа-«хозяина», что связано с тем, что «в славянской традиции существует запрет называть демона или др. источник опасности “настоящим” именем <...>, вместо него употребляются заместительные имена, в частности деминутивы» [Левкиевская 1999б: 244]. Нетрудно заметить, что почти все образования от корня *-сосед-* содержат суффиксы субъективной оценки с ласкательной семантикой – *-ушк-*, *-к-*, *-ок-*. Таким образом, подобные номинации направлены на то, чтобы не называть духа прямым именем, а обозначить его как соседа, т. е. «своего», а не «чужого» (каким изначально является демон для человека); суффиксы субъективной оценки помогают усилить задабривающую семантику. Это, по мнению носителей традиции, позволяет избежать возможного вредоносного воздействия со стороны персонажа, поэтому единицы данной группы часто используются в формулах-обращениях к персонажу:

Переезжая в новый дом, зазывали с собой домового словами: «Батюшко-суседушко, пойдём с нами» (Перино Караг.) (КС: 70);

Когда покупают скотину, говорят такие слова: «Суседушка-матушка, пой, корми и бело води!», чтобы суседка её любил (Егорово Вер.) (Материалы);

Суседко давил меня два раза. Родила первого парня, на полатах спим. Лежала, и вдруг – тяжело дышать, тяжело. А слыхала, спросить надо: «Суседушко-баседушко, к чему меня давишь?» А он: «К шуму», – в правое ухо вытянул (Васькова Юрл.) (ЮК: 311).

Единицы, включающие корень *-дом-*, указывающие на локус персонажа, как уже сказано, распространены в Пермском крае чуть менее широко, чем образования с конями *-сосед-/сусед-*, но они также встречаются как в северной (Гайнский, Чердынский, Красновишерский, Соликамский, Березниковский, Усольский, Юрлинский, Кудымкарский, Юсьвинский, Александровский районы), так и в центральной (Сивинский, Карагайский, Ильинский, Верещагинский, Очёрский, Краснокамский, Пермский районы) и в южной частях региона (Частинский, Осинский, Кунгурский, Кишертский, Октябрьский, Ординский, Уинский, Бардымский, Куединский, Чайковский районы). Приведем примеры контекстов с единицами данной группы:

У Ординых домовой был. Вот они стали переезжать, и его надо было с собой взять. Так они лапот

Гранова М.А.
НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО И БАННИКА В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(по данным русских мифологических текстов Пермского края)

в печь бросили и кричат: «**Домовой, выходи!**» (Редикор Черд.) (ББ: 112–113);

Мать проснулась, видит: **домовик** сидит и прячет, да так быстро! Мать спросила его: «К добру ли ты ко мне пришел?» – «К добру, – говорит, – в этом году замуж выйдешь». Так оно и случилось (Пожва Юсьв.) (Русские: 235);

Домовой с **домовихой** всю скотину кормили. Глянули они во двор, а там **домовой** с **домовихой** катаются (Б. Кусты Куед.) (КБ: 107–108).

Анализ картографических данных также показывает, что на территории Пермского края очень распространены номинации домового, образованные от терминов родства. Так, имеем три достаточно больших группы единиц – образования от корней *-бат-*, *-брат-* и *-дед-*. Представляется, что подобные номинации могут отражать несколько народных верований, связанных с духом-«хозяином» дома. Во-первых, это представление об оборотничестве персонажа: он может обращаться в любого человека, в том числе и любого члена семьи [Левкиевская 1999а: 121]. С этим связано и другое верование – о том, что домовый является умершим первопредком рода или умершим членом семьи, который «за грехи назначен Богом в услужение живым домочадцам» [там же]. Наконец, третья мотивировка подобных названий может заключаться в стремлении людей задобрить духа. Дело в том, что в славянской народной культуре одним из способов защиты от различных демонов является кумление или братание с объектом опасности [Левкиевская 1999б: 244]. Вербальным средством такого кумления или братания выступают термины родства, т. е. человек обозначает демона как своего родственника (*батюшку*, *братушку* или *братанушку*, *дедушку*) и тем самым, как и в рассмотренном выше случае с *соседом*, превращает персонажа из «чужого» в «своего» и исключает возможность наступления негативных последствий от контакта с ним. При этом задабривающая семантика усиливается за счет суффиксов субъективной оценки, которые всегда имеются в морфемном составе таких единиц.

Отметим, что, в отличие от слов с корнями *-сосед-/сусед-* и *-дом-*, образования от терминов родства имеют отдельные замкнутые ареалы распространения, эти единицы характерны для некоторых локальных традиций Пермского края, не встречаются повсеместно. Так, единицы с корнем *-бат-* имеют три ареала функционирования. Первый из них достаточно большой и тянется с северо-востока до западных районов центральной части, в него входят Красновишерский, Чердынский, Соликамский, Александровский,

Добрянский, Ильинский, Юсьвинский, Юрлинский, Кудымкарский, Сивинский, Карагайский, Ильинский районы. Имеются также два мелких ареала: один на юге края в Куединском районе, а другой – на юго-востоке в Кишертском районе. Приведем некоторые контексты:

Молодая, когда к мужу переезжат, приходит наперед к колодцу: «**Батюшка-суседушка**, воду мне давай!». Копейки бросали серебром. Потом в загон идет, тоже копейки бросали (Б. Кусты Куед.) (КБ: 30);

[Заговор избе.] Пускай какую нечисть не говори, пусть **избушка-матушка** не слушает, а **суседушко-батюшко**, **братанушко**, всё дом стереги (Ефремова Юрл.) (ЮК: 290).

Номинации с корнем *-брат-* также распространены в трех ареалах: северном, включающем Соликамский, Усольский, Юсьвинский, Ильинский районы (к этому же ареалу отнесем Юрлинский и Сивинский районы), юго-восточном (Пермский, Нытвенский, Осинский, Кунгурский, Кишертский и Суксунский район) и южном (Куединский район). Вот несколько контекстов, записанных в разных районах:

Когда строили новый дом и переезжали в него, то клали хлеб в углу для суседки. И в хлеву клали хлеб в углы кормушки для суседки и говорили: «**Суседушка-братанушка**, люби мою скотинушку» (Габята Сив.) (Материалы);

Когда скотину заводил, говорил: «**Соседушко-братушко**, люби мою скотинушку!» (Урталга Куед.) (КБ: 36).

Названия, имеющие корень *-дед-*, расположены по территории края дискретно. Можно выделить лишь один достаточно крупный ареал на западе региона, в который входят Сивинский, Карагайский, Ильинский районы. Остальные ареалы охватывают одну локальную традицию. Так, рассматриваемые номинации зафиксированы в Гайнском, Соликамском, Пермском, Кишертском и Куединском районах. Приведем контексты:

Домового я переносила в новый дом. Говорила: «**Дедушка-братушка**, пойди со мной». Дедушка помогает мне, за скотом смотрит. Как-то корова лягаться начала, я говорю: «**Дедушка-братушка**, помоги». Корова и перестала лягаться (Комариха Ильин.) (Материалы);

А надо, чтоб дом не пугался, испечь своими руками каравай маленький, вдавить в него медяшку и серебряшку и спустить в голбец, зарыть и сказать: «**Дедушка-домовой**, прошу любить и жаловать, чтоб не болела скотинушка, да и мы жили счастливо» (Кизьва Сив.) (там же).

Наконец, единицы последней группы – с корнем *-хозяй-* – отражают общеславянские народные представления о том, что домовый является

Гранова М.А.
НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО И БАННИКА В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(по данным русских мифологических текстов Пермского края)

мифологическим хозяином, покровителем дома, обеспечивает здоровье и благополучие людей, проживающих в усадьбе, плодovitость скота, ведет хозяйство, а также может наказать домо-чадцев за неправильное поведение (например, за ссоры или за беспорядок) [Левкиевская 1999а: 121–123]. В рассматриваемую группу входит всего 8 единиц. Такие номинации имеют два больших ареала бытования – северо-западный (Юрлинский, Кудымкарский, Карагайский, Ильинский) и юго-восточный (Пермский, Кунгурский, Кишертский, Берёзовский районы), а также встречаются в ряде других районов: Гайнском, Красновишерском и Куединском. Вот несколько отрывков из мифологических текстов:

[Домового в новый дом зовут?] *А как без хозяина то пойдешь? Раньше это приговаривали все. А я уж не могу сказать. Со мной не случилось, я же родилась – дом был. Я не знаю, но видела их* (Губдор Краснов.) (Материалы);

Хозя, говорят, хозяин леса, хозяин дома, хозяин ограды (Батеряки Бер.) (СРГЮП 2: 319).

Итак, проведенное лингвогеографическое исследование встречающихся в русских мифологических текстах Пермского края номинаций банника и домового позволяют прийти к следующим выводам.

1. Анализ пермских материалов показал, что наиболее обширные гнезда образуют номинации банника с корнями *-бан-, -дух-, -бес-, -черт-* и основой *нечист-* и номинации домового с корнями *-бат-, -брат-, -дед-, -дом-, -сосед-/сусед-* и *-хозяй-*.

2. Среди названий банника распространение по всей территории региона получили единицы с корнем *-бан-*, указывающие на локус персонажа (*банник, банная бабушка, банный лешак*). Что касается домового, то больше всего в крае распространены его названия с корнями *-сосед-/сусед-* (*сусед-суседушка, суседко-батюшко*); единицы с корнем *-дом-* (*домовик, домовая бабушка*), указывающие на место обитания персонажа, тоже отмечены на всей территории края, однако ареал их функционирования уже. Остальные группы номинаций встречаются в нескольких относительно небольших замкнутых ареалах.

3. Выявление наиболее богатых гнезд номинаций банника и домового дает возможность описать мифологические представления об этих персонажах, которые отражаются в их названиях и являются ключевыми для носителей традиции. Наиболее значимое представление, связанное с обоими персонажами – их связь с определенным

локусом (баней – единицы с корнем *-бан-*, жилищем человека – единицы с корнем *-дом-*). Других сходств между персонажами не наблюдается. Так, самые распространенные в крае номинации банника указывают на его нематериальную сущность (слова с корнем *-дух-*: *банний дух, банний душок*) и демоническую природу (единицы с корнями *-бес-, -черт-* и основой *нечист-*: *бесёнок, чертовка, нечистая сила*). Номинации домового указывают прежде всего на его статус по отношению к человеку (названия с корнями *-сосед-/сусед-*: *сусед-суседушка, суседок*, – а также с корнями *-бат-, -брат-* и *-дед-*: *батюшка, братанушка, дедушка-соседушка*) и по отношению к своему локусу (номинации с корнем *-хозяй-*: *хозяин дома*), а также на образы оборотничества (образования от названий родственников) и необходимость задабривать персонажа, включая табуирование его прямого имени (слова с корнями *-сосед-/сусед-, -бат-, -брат-* и *-дед-*). Таким образом, домового в пермской традиции оказывается намного ближе к человеку, чем банник, и выступает по отношению к человеку как сосед, родственник, покровитель и помощник. Банник же воспринимается народным сознанием негативно – как демон, который опасен для людей. Все описанные представления, нашедшие отражение в пермских названиях домового и банника, находятся в русле общеславянской традиции.

Список источников

ББ – Шумов К.Э. Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 412 с.

КБ – Черных А.В. Куединские былички: мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв. Пермь: ПОНИЦАА, 2004. 114 с.

КС – Подюков И.А. Карагайская сторона: народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2004. 320 с.

Материалы – Материалы архивов филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета – диалектологического архива лаборатории региональной лексикологии и лексикографии (руководитель – к. филол. н., доц. И.И. Русинова) и фольклорного архива лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (руководитель – к. филол. н., доц. С.Ю. Королёва).

Русские – Бахматов А.А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: материалы и исследования / А.А. Бахматов,

Гранова М.А.
НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО И БАННИКА В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(по данным русских мифологических текстов Пермского края)

Т.Г. Голева, И.А. Подюков, А.В. Черных. Пермь: От и до, 2008. 502 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3-х вып. / И.А. Подюков. Т. 1–3. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010–2012.

УД – Подюков И.А. Усольские древности: сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. / И.А. Подюков, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипов. Усолье: Перм. кн. изд-во, 2004. 240 с.

ЮК – Бахматов А.А. и др. Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX – XX вв.: материалы и исследования / А.А. Бахматов, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2003. 493 с.

Список литературы

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.

Боброва М.В., Русинова И.И. Демонимы в русских мифологических текстах Пермского края // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 83–103.

Брюханова М.А., Королёва С.Ю. Акциональный код сиротской свадьбы (традиция Пермского Прикамья на общерусском фоне) // Филологические заметки. 2020. № 18, ч. 2. С. 20–48.

Будовская Е.Э. Банник // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). С. 137–138.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Виноградова Л.Н. и др. Схема описания мифологических персонажей / Л.Н. Виноградова, А.В. Гура, Г.И. Кабакова, О.А. Терновская, С.М. Толстая, В.В. Усачёва // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран юго-восточной Европы. М., 1989. С. 78–85.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011. 936 с.

Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994. 256 с.

Королёва С.Ю. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 52–76.

Королёва С.Ю., Беломестнова А.С. Образ петуха в рассказах о кладах (на материале несказочной прозы русского и финно-пермских народов) // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 5. С. 192–205.

Королёва С.Ю., Туманова О.С. Образ Саломей-повитухи: апокриф и фольклорная традиция // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи. Пермь, 2013. С. 266–275.

Левкиевская Е.Е. Домовой // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-и т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999а. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). С. 120–124.

Левкиевская Е.Е. Задабривать // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-и т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999б. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). С. 244–246.

Левкиевская Е.Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 634 с.

ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров: Проект / отв. ред. И.А. Попов. СПб., 1994. 112 с.

Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.

Подюков И.А. Символика орудий крестьянского труда в народной культуре Пермского края // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2019. № 15. С. 129–135.

Подюков И.А. Символизм бытовых вещей в традиционной русской культуре Прикамья // Современное изобразительное искусство, архитектура и дизайн: грани и границы: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2020. С. 73–82.

Русинова И.И. Звуковое поведение злых духов, связанных с колдуном (на материале лексики мифологических рассказов Пермского края) // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2020а. № 14. С. 645–656.

Русинова И.И. Способы облегчения смерти колдуна (на материале русских мифологических рассказов Пермского края) // Традиционная культура. 2020б. Т. 21, вып. 1. С. 136–148.

Русинова И.И., Шкураток Ю.А. Мифологические значения слов *икота*, *икотка* (по данным говоров Юрлинского района Пермского края) // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: матер. V Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / отв. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2017. С. 270–275.

СБФ 1986 – Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславян-

Гранова М.А.
НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО И БАННИКА В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(по данным русских мифологических текстов Пермского края)

ском фоне / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1986. 286 с.

СБФ 1995 – Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Индрик, 1995. 288 с.

Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. 600 с.

Толстая С.М. Полесские экспедиции // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007. С. 89–99.

**NOMINATIONS OF THE BATHHOUSE BOGGART AND THE HOUSE BOGGART
IN AREAL ASPECT**
(based on Russian mythological texts from the Perm region)

Mariia A. Granova

Assistant Lecturer, Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

The article examines nominations of the bathhouse boggart and the house boggart used in Russian mythological texts of the Perm region. The areal method is applied in the research. The units, that make up the most extensive word-formation nests and, therefore, reflect the most significant ideas of the speakers about the considered characters, are mapped. The beliefs reflected in the names of the bathhouse boggart and the house boggart are compared; these mythological representations are also studied against the Common Slavic background. The most extensive nests form the nominations of the bathhouse boggart with the roots *-ban-*, *-duh-*, *-bes-*, *-chert-* and stem *nechist-* and the nominations of the house boggart with the roots *-bat-*, *-brat-*, *-ded-*, *-dom-*, *-sosed-/sused-* and *-khozayay-*. At the same time, the names of the bathhouse boggart with the root *-ban-* and the names of the house boggart with the roots *-sosed-/sused-* and *-dom-* are found throughout the territory of the region. Thus, the names of both characters reflect, first of all, the folk idea of their habitat. The differences consist in the fact that the nominations of the bathhouse boggart indicate its intangible essence (words with the root *-duh-*) and demonic nature (words with the roots *-bes-*, *-chert-* and the stem *nechist-*), i. e. the character is perceived by the tradition bearers as a dangerous demon. The house boggart, on the other hand, is related to a human as a neighbor (words with the roots *-sosed-/sused-*), a relative (words with the roots *-bat-*, *-brat-* and *-ded-*); also, its primacy in the locus of the house (nominations with the root *-khozayay-*) is emphasized. All these beliefs are typical of the Common Slavic mythological tradition.

Keywords: areal research; bathhouse boggart; house boggart; mythological text; Perm region.